

К современным приемам "переоценки ценностей" (Письмо в редакцию)

Оригинал здесь -- <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Proetcontra/batushkov.htm>

В литературном обществе заслушан был 25 сентября доклад г. Чуковского - о Гаршине. Отчет о заседании помещен был в номере "Речи" от 27 сентября. Заседание приняло несколько бурный характер, и чисто литературная тема доклада дала повод к нелитературному спору, причем, с одной стороны, доклад был назван своего рода "манифестом" агрессивного характера против отошедших или отходящих деятелей, с другой - докладчик и сам в заключение заявил, что усвоенный им метод "изучения" писателей должен привести к полной переоценке тех мнений и суждений, которые установились у нас с 80-х годов. Вопрос о Гаршине является только эпизодом в предпринятой работе, долженствующей установить новые критерии оценки прежних ценностей у представителей молодого поколения.

Казалось бы, "изучению", "переоценке", "проверке" ранее принятых суждений и т.п. можно только порадоваться. Ведь ценно непосредственное отношение всякого человека к явлениям прошлого и настоящего, ценна всякая попытка найти и сказать что-нибудь новое по поводу изведенного и испытанного. Г. Чуковский, безусловно, нашел сказать кое-что новое и по поводу Гаршина, обратил внимание на такие стороны его художественной деятельности, на которые, сколько мне известно, не было еще указано, хотя их открытие имеет относительное значение; докладчик оказался особенно чувствительным к вопросам писательской техники, что составляет вообще одно из главных свойств критических приемов г. Чуковского. Указание на особую точность и методичность писаний Гаршина, "бухгалтерию и арифметику", постоянно вторгающихся в работу художника, - все это любопытно, свидетельствует о внимательном чтении автора, сравнительно ново. Если бы докладчик ограничился указанием подмеченной особенности одного из свойств ума Гаршина и одного из приемов его поэтической техники, - то можно было бы только приветствовать такое внимательное изучение одной стороны литературной деятельности выдающегося русского писателя, оценить несомненную талантливость, которую при этом проявил и его критик, и, так сказать, зарегистрировать его наблюдения в истории мнений о Гаршине и разного отношения к нему разных поколений. Но, к сожалению, г. Чуковский сделал смелый и решительный скачок, на котором сорвался и возбудил только горячий протест знавших и любивших Гаршина не только во внимание к технике его творчества, а как цельный и глубоко симпатичный образ художника, больного, но и болевшего душою за многое и за многих, обладавшего в высокой степени пафосом к идее, понимавшего силу и значение подвига, как-то особенно стремившегося всю жизнь к героическому подвижничеству. Вся эта сторона духовного облика Гаршина как бы совсем ускользнула от его критика. Он даже умышленно и совершенно несправедливо пытался отрицать ее. Он хотел уверить аудиторию, что "весь" Гаршин только в описаниях внешнего характера, в "арифметике и бухгалтерии" не всегда художественных, и даже с подчеркнутым недоумением будто бы передавать впечатления целого, разбивая описания на рубрики под литерами а, б, в, г и т.д.

Мы бы назвали доклад г. Чуковского - "в преддверии к Гаршину", если бы докладчик сумел остановиться на избранной им позиции и действительно дал бы нам только анализ некоторых технических приемов творчества Гаршина. Однако, не удовлетвовавшись описанием внешних черт таланта Гаршина, наружным видом здания, он вдруг распахнул дверь и объявил, что храм ваш пуст; внутри здания не только нет ничего, но нечто худшее абсолютной пустоты, а именно - отрицательные явления: бездарность, антихудожественность, фальшь... Конечно, мы не поверим г. Чуковскому, но не можем не пожалеть, что он ограничился несколько поверхностным отношением к писателю, не проникая в сущность его душевного облика. Вот почему аудитория взволновалась, и спор принял личный оборот; об этом можно пожалеть, но до литературного обсуждения вопроса не дошли, ибо для тех, кто дорожил памятью о цельном облике художника, который сам придавал второстепенное значение одному только эстетическому чувству, признавая высший смысл искусства в том, чтобы "заставлять думать людей", действовать на душу, возбуждать мысли и чувства ("Надежда Николаевна"), казалось непростительной близорукостью отрицать эту душу, ум и чувства в самом художнике.